

Печатается по решению Ученого совета Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

Философия. Язык. Культура. Вып. 6 / отв. ред. Горбатов В.В., Марей А.В. — СПб. : Алетейя, 2015. — 518 с.

Сборник посвящен исследованию символического измерения бытия человека и общества, а также осмыслению широких взаимосвязей языка и культуры. В него вошли статьи, раскрывающие фундаментальные аспекты познания, коммуникации и человеческой деятельности.

Книга предназначена философам, культурологам, политологам, специалистам в области языкознания и истории идей, широкому кругу учёных-гуманитариев.

УДК 1.101 + 1.14-18
ББК 71.0 + 81 + 87

© Коллектив авторов, 2015

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2015

Философия языка и сознания

И.И. Павлов

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ В ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА Л. ВИТГЕНШТЕЙНА¹

Аннотация. Данная статья обращается к философии языка Л. Витгенштейна. Автор рассматривает возможность использования идей Витгенштейна в контексте современного прагматизма. В статье ставится под вопрос легитимность отсылок к Витгенштейну в поздней философии Х. Патнэма. Указывая на кажущиеся очевидными противоречия между взглядами двух философов, автор тем не менее защищает тезис об актуальности и интеллектуальной легитимности эпистемологии и онтологии Витгенштейна для прагматистского проекта. Наиболее важной оказывается поздняя теория периода «Философских исследований», которая открывает новые перспективы не только для эпистемологической, но и для этической интерпретации реализма, предпринятой Патнэмом.

Abstract. This paper deals with L. Wittgenstein's philosophy of language. Author examines the legitimacy of Wittgenstein's ideas for contemporary pragmatism and references for his philosophy in H. Putnam's late works. The seeming contradictions between the theories of two philosophers are demonstrated. Nevertheless, it is argued that Wittgenstein's epistemology and ontology has intellectual relevance for Put-

---

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Рациональность в действии: интенции, интерпретации, интеракции», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 году.

И.И. Павлов. Прагматический реализм в философии языка Л. Витгенштейна
nam's project. The late concepts worked out in «Philosophical Investigations» are the key ones for interpretation of realism in Putnam's way.

Ключевые слова: *Витгенштейн, Патнэм, философия языка, онтология, реализм.*

Keywords: *Wittgenstein, Putnam, philosophy of language, ontology, realism.*

Наследие Людвиг Витгенштейна представляет собой один из сложнейших для интерпретации корпусов текстов в истории философии. Это связано как с тем, что Витгенштейн в ходе творческой эволюции пересмотрел ряд своих ранних идей, так и с многообразием тех тем, к которым обращался философ, в то же время не связывая их в единую систему наподобие гегелевской. Логика, этика, эстетика, философское осмысление науки, культуры, религии, естественного языка, психологии — к ним Витгенштейн обращается в разных формах, что затрудняет понимание того, как эти области философии соотносились между собой в мировоззрении Витгенштейна.

В данной статье я не предлагаю универсальной трактовки философии Витгенштейна. Моя главная задача — понять, насколько легитимны те ссылки современного американского прагматиста Х. Патнэма на философию Витгенштейна, которые мы обнаруживаем в его поздних работах². Я не настаиваю на том, что интерпретация философии Витгенштейна в духе прагматизма является наиболее верной, но ставлю вопрос о том, возможна ли она вообще.

Отсылки Патнэма к Витгенштейну в области эпистемологии требуют прояснения двух пунктов. Во-первых, необходимо рассмотреть, насколько философия Витгенштейна является реализмом, избегающим скептицизма. Если для «Логико-философского трактата» такая оценка представляется справедливой, то крайне спорно ее применение к «Философским исследованиям». Во-вторых, если и удастся обнаружить

---

² Эпистемология «прагматического реализма» Патнэма во многих аспектах опирается на интуиции и аргументы поздней философии Витгенштейна. Подробнее см. [9].

в философии Витгенштейна реализм (например, прочитав «Философские исследования» как своеобразное продолжение онтологии «Логико-философского трактата»), следует ответить на вопрос, не подпадает ли такой реализм под критику метафизического реализма.

Метафизическим реализмом Патнэм называет такую версию реализма, согласно которой есть один единственный мир и лишь один истинный способ его описания, структура которого отражает онтологию мира самого-по-себе. Метафизическому реализму Патнэм стремился противопоставить свое понимание реализма, выраженное в теориях «внутреннего реализма», «естественного реализма», «реализма с человеческим лицом» и, в конечном итоге, «прагматического реализма». Развивая свои идеи, Патнэм давал им новые названия и отказывался от предыдущих – например, концепция «внутреннего реализма» не устраивала Патнэма, т.к. она будто бы предполагала возможность иного, «внешнего» реализма. Также название «прагматический реализм» более полно отражает преемственность идей Патнэма по отношению к классическому американскому прагматизму, в котором (в традиционной версии Пирса) реальным считается то, о чем говорится в истинных предложениях, а истина устанавливается в экспериментальной науке согласно принципу фаллибилизма, что обусловлено принятием семантики «прагматической максимы» Пирса³.

Как и Хилари Патнэм, Витгенштейн в ранний период своего творчества особое внимание уделяет теории значения, имплицитно содержащей в себе эпистемологическую проблематику: философ разрабатывает особую версию семантического реализма, отталкиваясь от идей Фреге и Рассела, и тем самым присоединяется к эпистемологическому реализму последнего. Следует помнить, что Рассел, наряду с Муром и другими реалистами, выстраивал свою философию в полемике с абсолютными идеалистами, доказывая несводимость существования объектов к их восприятию сознанием. Реали-

---

³ Подробнее см. [11]. Развернутый анализ прагматического реализма Патнэма см. в монографии И. Д. Джохадзе: [4].

сты настаивали на реальности того мира, который познается с помощью науки, и подвергали критике идеалистическое представление о том, что все наши естественные и научные знания сообщают нам истину в ее неподлинном виде и лишь в мистическом откровении мы можем приблизиться к настоящей истине о мире.

Как и Патнэм, Рассел развивал свою версию реализма в контексте критики эпистемологии абсолютного идеализма, который можно условно назвать антиреализмом. Но если Патнэм в ранний период стремился соединить онтологические требования научного и логического реализма через философское осмысление значимости терминов естественных классов для проблемы референции, то Рассел выстраивал свою онтологию исключительно на основе логического анализа языка, соединенного с теорией чувственных данных⁴.

Ранний Витгенштейн подхватывает интеллектуальную стратегию Рассела, в то же время стремясь упростить ряд излишне искусственных концептуальных решений своего учителя. Наиболее известна критика Витгенштейном теории типов Рассела и устранение иерархии пропозиций через разделение рядоположных высказываний о фактах и логической формы, о которой нельзя говорить, но которую показывают предложения логики [ЛФТ, 4.121].

Отличаются от идей Рассела и другие аспекты онтологии «Трактата». Продолжая разработку реалистской теории «отображения» реальности в языке, Витгенштейн расставляет ряд акцентов в своей трактовке логической структуры языка и отображаемого им мира. Эти акценты чрезвычайно важны для понимания того, является ли философия языка раннего Витгенштейна одной из версий метафизического реализма.

Модель Витгенштейна часто называют «логическим атомизмом», т.к., как и Рассел, Витгенштейн говорит о существовании логических атомов, которые составляют субстанцию мира [ЛФТ, 2.021], и имен, которые означают эти объекты. Но Витгенштейн понимает именовое обозначение объектов в терминах замещения последних в предложении посред-

---

⁴ Подробнее о реализме Рассела см. [8, с. 31–48].

ством имен [ЛФТ, 3.203, 3.21, 3.22]. Конфигурации имен составляют предложение так же, как конфигурации логических атомов (простых объектов) составляют положения дел⁵, а те в свою очередь — факты.

Благодаря этому, между логически корректными предложениями языка и фактами мира устанавливаются зеркальные отношения отображения. Так, предложение становится образом реальности — причем для установления таких отношений достаточно, чтобы изображаемое было возможным, т.е. чтобы образ был мыслим, и вовсе не обязательно реальное существование изображаемого.

Отношения отображения предложениями фактов Витгенштейн называет проекцией: «Предложению принадлежит все то, что принадлежит проекции; но не то, что проецируется. Следовательно, — возможность того, что проецируется, но не оно само. Следовательно, в предложении еще не содержится его смысл, но, пожалуй, лишь возможность его выражения. ("Содержание предложения" означает содержание осмысленного предложения.) В предложении содержится форма его смысла, но не его содержание» [ЛФТ, 2.0121]. Предложение, говорит Витгенштейн, вовсе не «содержит» в себе то, проекцией чего оно является. Нельзя говорить, будто предложения каким-то образом содержат в себе факты, тем самым предъявляя нам истинную онтологию мира. Они содержат лишь условия возможности отображения — логическую форму, которой подчинены все возможные предложения, т.к. без нее они попросту не были бы предложениями.

Таким образом, функция предложения — вовсе не соответствовать онтологии мира, отображая ее и будто содержа в себе, но иметь возможную конфигурацию имен, которая отображает (или не отображает, если предложение ложно) конфигурацию простых объектов в положениях дел и в фактах мира. Но если в традиционном, метафизическом смысле о соответствии языка миру в теории Витгенштейна говорить нельзя, то в смысле структурного изоморфизма соответствие имеется, почему эпистемология Витгенштейна и является

---

⁵ В английском переводе — атомарные факты (atomic facts).

реалистской — благодаря такому изоморфизму, язык в конечном итоге отсылает нас к самому миру.

Еще менее, на мой взгляд, магическую теорию референции, критикуемую Патнэмом, можно увидеть в параллели между именами и простыми объектами (логическими атомами). Витгенштейн первым тезисом своего Трактата утверждает, что логические атомы вовсе не составляют онтологию мира — онтологию составляют факты [ЛФТ, 1], а простые объекты выступают у Витгенштейна скорее некоторыми пределами (в математическом смысле) логического анализа, которые сами по себе не могут быть предъявлены (в отличие от теории Рассела). Тезис о том, что логические объекты составляют субстанцию истинности мира, но не его онтологию, можно понять, вспомнив тот факт, что логические объекты для Витгенштейна представляют собой не замкнутые в себе монады (как мы можем упрощенно помыслить атомы физического мира в духе Демокрита), но могут быть помыслены (а значит, и существовать в логическом пространстве) только в горизонте их возможных связей с другими объектами [ЛФТ, 2.0121]. Объекты производны от фактов и трактуются холистически. Анализ имен нашего языка не может дать нам представления об объектах, т.к. имена вовсе не репрезентируют нам объекты, но замещают их, вступая между собой в логические отношения.

Таким образом, на мой взгляд, уже в «Логико-философском трактате» можно увидеть ряд холистических стратегий, не позволяющих трактовать теорию референции раннего Витгенштейна как вариант метафизического реализма. Итак, желая защитить отсылки Патнэма к Витгенштейну, я показал, что уже в «Логико-философском трактате» можно обнаружить ряд идей, актуальных для прагматического реализма. С одной стороны, Витгенштейн, трактуя отображение как проекцию формы, а не содержания, избегает метафизического реализма. С другой, такое отображение все же отсылает нас к миру — что означает, что теория референции Витгенштейна является реалистской.

Другим аспектом реализма Витгенштейна является устранение эпистемологического субъекта. Философ указы-

вает, что полное описание мира вовсе не включает в себя эпистемологического субъекта, лежащего на границе мира, подобно глазу, который конституирует поле зрения, но сам не попадает в него [ЛФТ, 5.631, 5.632, 5.633]. В этом случае «строго проведенный солипсизм совпадает с чистым реализмом. Я солипсизма сокращается до непротяженной точки, и остается соотнесенная с ним реальность» [ЛФТ, 5.64]. Иначе говоря, критика абсолютного идеализма, с которым полемизировали реалисты Мур и Рассел, может вестись так: если *esse* есть *percipii*, то не существует субъекта, т.к. он не воспринимается. А значит, утрачивается та субъектность, благодаря которой *percipii* отличается от обыденного *esse*, субъектность мира, на которой и основана концептуальная новизна идеализма. *Esse* и *percipii* становятся неразличимыми — а значит, в мире нет какого-либо факта, который позволял бы нам усомниться в реальности референции нашего языка к миру.

Разумеется, нельзя не заметить, что реалистская теория референции «Логико-философского трактата» все же отличается и от поздней философии самого Витгенштейна, и от прагматического реализма Патнэма. На мой взгляд, данное отличие — следствие не попытки Витгенштейна репрезентировать в языке онтологию мира, но — разного понимания осмысленности и истинности. Так, Витгенштейн трактует осмысленность как логическую возможность, а потому для него всякое осмысленное предложение по определению должно строиться по логической форме, т.е. конфигурация имен должна отображать конфигурацию логических объектов, которые необходимы для возможности полного истинного описания мира. Для раннего Витгенштейна предложение, отсылающее к другим предложениям, а не к логическим атомам непосредственно, не может быть истинным. Радикально иную трактовку истины предложат поздний Витгенштейн и Патнэм.

Отводя обвинение в метафизическом реализме от «Логико-философского трактата», необходимо учесть, что его автор не излагал свою позицию с нуля, но творчески перерабатывал имеющиеся на тот момент идеи Фреге и Рассела. В то время как Рассел действительно стремится через анализ

языка описать сложную онтологию мира и, следовательно, получить некоторое знание о нем, Витгенштейн, как убедительно показывает Л.Б. Макеева, во многих аспектах своей философии предлагает более простую онтологию, чем Рассел [8, с. 54]. Иначе говоря, даже та онтология, которую мы обнаруживаем у Витгенштейна, является результатом работы не над конструированием, но над деконструированием онтологии, построенной в духе метафизического реализма. Более того, «онтология» «Логико-философского трактата» может быть интерпретирована как вовсе не онтология, но эпистемология, снимающая онтологическую проблематику, включая вопрос о референции, замененный вопросом об условиях осмысленности и истинности.

Если не онтология, то эпистемология «Трактата», представляющая собой постулат о возможности безусловно истинных предложений, совершенно не совместима с фаллибилизмом прагматизма, который Патнэм усматривает в работах Витгенштейна. Более гибкая трактовка истины, включающая возможность фаллибилизма, представлена в поздней работе Витгенштейна — «Философских исследованиях». Но сохраняется ли в нем эпистемологический оптимизм «Трактата» и реалистическая теория референции?

В первых параграфах «Философских исследований» Витгенштейн критикует теорию языка, согласно которой именование есть способ установления однозначных соответствий между именем и обозначаемым им предметом. Философ указывает, что в его естественном употреблении язык составляет множество языковых игр, в которых говорящие следуют определенными правилам, заданным той формой жизни (внеязыковой ситуации), в которой язык используется. При таком понимании модель непосредственного соответствия имен и именуемых объектов работает только для самых простых языковых игр — таких как взаимодействие строителя с его помощником, когда помощник должен подавать по команде то один, то другой инструмент [ФИ, §2].

В поздней философии Витгенштейн продолжает свою раннюю мысль: для того, чтобы быть осмысленной, речевая практика должна ориентироваться на определенные прави-

ла. Но, в отличие от раннего периода, теперь философ больше не стремится понять, в чем же эти правила заключаются. Более того, Витгенштейн настаивает, что, следуя тому или иному правилу в наших практиках, мы вовсе не нуждаемся в интерпретации этого правила, а тот, кто обучает нас следованию правилу, вовсе не подразумевает какого-либо сущностного истолкования изучаемой практики. Как указывает З.А. Сокулер, «...нет нужды вводить новые сущности — “метаправила” (инструкции по применению правила), интерпретации, особые ментальные состояния и механизмы» [10, с. 425–426].

Но если правило невозможно — и не нужно — концептуализировать до конца, то не является ли такая трактовка языка скептической, не становится ли такое следование правилу произволом?

Однозначно следование правилу не является произволом отдельно взятого субъекта. Приводя ряд примеров, в которых для читателя очевидно различие между правильным способом установления истины и ошибкой [ФИ, §265 и слл.], Витгенштейн проводит различие между ситуациями, когда человек полагает, что он следует правилу, и когда он действительно следует правилу. Из этого философ делает вывод, что нельзя следовать правилу приватно [ФИ, §202].

Опираясь на критику возможности приватного языка, а также на тезиса Витгенштейна о возможности изменения правила, Сол Крипке предлагает свою скептическую интерпретацию «Философских исследований». Рассматривая проблему следования правилу и подтверждая тезис о возможности непредвиденного изменения правила — в первую очередь, на материале математических примеров, — Крипке утверждает, что в философии позднего Витгенштейна содержится скептический парадокс. Для этого парадокса Крипке предлагает скептическое же решение — теорию «точки зрения сообщества», согласно которой именно сообщество кон-

И.И. Павлов. Прагматический реализм в философии языка Л. Витгенштейна
венционально устанавливает, какой способ следования правилу является правильным⁶.

Интерпретация Крипке вызвала оживленную дискуссию о скептицизме в проблеме следования правилу. В полемике с Крипке Г.П. Бейкер и П.М.С. Хакер, опираясь не только на «Философские исследования», но и на массивный пласт подготовительных заметок Витгенштейна [1, с. 3], указали, что критерий того, верно ли индивид следует правилу, задаются не «точкой зрения сообщества», а практикой — регулярным повторением действия достаточной сложности. Согласно исследованию Бейкера и Хакера, сам Витгенштейн в материалах, выходящих за пределы «Философских исследований», соглашался, что такая практика может быть индивидуальной [1, с. 79]. Такой историко-философский вывод не представляется невозможным, поскольку и на основании одних лишь «Философских исследований» позиция Витгенштейна представляется отчасти противоречивой: тот скепсис, который Витгенштейн адресует возможности индивидуального языка, может заставить нас усомниться и в возможности социальной проверки правильности следования правилу [6, с. 97–100].

В. А. Ладов и В. А. Суровцев отмечают, что концепция Бейкера и Хакера не только демонстрирует более корректное, с точки зрения истории философии, прочтение Витгенштейна, чем интерпретация Крипке [7, с. 210–211], но и обладает самостоятельной философской ценностью, не зависящей от того, на чьей стороне оказывается авторитет Витгенштейна [7, с. 212]. В 1990-е гг. в копилку аргументов, усиливающих интеллектуальный потенциал анти-скептического подхода к проблеме следования правилу, добавился ряд аргументов Патнэма. В частности, Патнэм отметил, что точка зрения сообщества не позволяет избежать радикального скептицизма, т.к. все сообщество может быть рассмотрено как

---

⁶ Подробнее см.: [5]. Краткое изложение мысли Крипке см. в: [10, с. 428–431].

сложный индивид [12, р. 257]⁷. Также сам проект прагматического реализма Патнэма и, особенно, тезис о важности взаимодействия сообщества и среды, можно рассматривать как философское расширение анти-скептической трактовки следования правилу⁸.

Таким образом, поздний Витгенштейн действительно отказывается от возможности построения априорной эпистемологии и вводит в свою модель фаллибилизм — возможность ошибки вследствие неверного понимания правила или его неожиданного изменения. Но такой фаллибилизм вовсе не тождественен скептицизму: ни индивид, ни все сообщество не может по своему произволу изменять эпистемические правила, поскольку в случае неверного обращения с реальностью в сложной практике сама реальность будет сопротивляться ошибкам, допущенным в ее познании. Такое сопротивление З. А. Сокулер объясняет твердостью и устойчивостью предметов, с которыми каждый человек и сообщество имеет дело, применяя правило [10, с. 435–436]. А это значит, что такой путь преодоления скептицизма следует назвать реализмом: наши истинные знания верны именно потому, что соответствуют (в прагматическом смысле) реальности и тем предметам, с которыми мы сталкиваемся в нашей жизни.

Разумеется, даже такое обоснование реализма не может противостоять радикальному сомнению в духе Декарта. Не ошибаемся ли мы, когда, следуя правилу, говорим о существовании твердых и устойчивых предметов? Не ошибаемся ли, когда проводим само разграничение между истиной и ложью, реальностью и иллюзией? На мысль о радикальном несоответствии наших практик реальности могут натолкнуть такие ситуации, как неопишуемость квалиа.

В «Философских исследованиях» Витгенштейн приводит пример с невозможностью описать аромат кофе. Полемизируя с собой, он предлагает скептический вывод: «Нам не хватает слов». Но сам же его и отвергает риторическими во-

---

⁷ Также Патнэм еще раз обратил внимание на корректное прочтение параграфов «Философских исследований», посвященных проблеме индивидуального языка [12, р. 243].

⁸ Подробнее см.: [9].

просами: «Почему же тогда мы их не вводим? А что если это было бы в наших силах?». А не вводим мы новые слова, потому что наша повседневная жизнь не требует этого — к пониманию этой очевидности Витгенштейн вновь подводит нас вопросами: «Почему это невозможно сделать? Не хватает слов? И для чего тебе не хватает их? Но как возникает сама мысль о том, что такое описание вообще должно быть возможно? Ощущал ли ты когда-нибудь отсутствие такого описания? Ты пытался описать аромат кофе и тебе это не удалось?» [ФИ, §610]. Осознание адекватности наших эпистемических способностей для решения задач повседневной жизни делает невозможным ни радикальное сомнение, ни антиреалистическое противопоставление слов и реальности, к которой слова якобы не имеют доступа.

Как и в случае философии Патнэма, такая стратегия оправдания реализма уже на эпистемологическом уровне проясняет, каким образом вопрос о реализме может вывести нас на этическую и экзистенциальную проблематику. В поздней философии Витгенштейна скептицизм опровергается не с помощью построения строгой философской системы, но путем наводящих вопросов, которые должны вывести читателя к пониманию той очевидности, с которой он удостоверится в тех или иных истинах. «Не думай, а смотри!» — призывает Витгенштейн [ФИ, §66]. Следовательно, уверенность в возможности познания реальности зависит от нашего доверия естественным повседневным практикам — а попытка заменить обыденность какой-либо философской рационализацией неизбежно уведет разум в скептические метафизические построения, одинаково неприемлемые для Патнэма и Витгенштейна.

Литература

1. Бейкер Г. П., Хакер П. М. С. Скептицизм, правила и язык. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011.

3. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Философские работы. Часть первая. М.: Гнозис, 1994. С. 74–319.
4. *Джохадзе И. Д.* Прагматический реализм Хилари Патнэма. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013.
5. *Крикке С.* Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005.
6. *Ладов В. А.* Поговорить с Робинзоном Крузо (к публикации статьи А. Айера «Может ли существовать индивидуальный язык?») // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2007, № 1. С. 97–101.
7. *Ладов В. А., Суровцев В. А.* Скептик, или к бессмыслице и обратно // Бейкер Г.П., Хакер П.М.С. Скептицизм, правила и язык. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. С. 210–211.
8. *Макеева Л. Б.* Язык, онтология и реализм. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.
9. *Павлов И. И.* Следование правилу как реабилитация реализма: перспективы проекта Х. Патнэма // Философические письма. Ч. 2. М.–СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. С. 11–27.
10. *Сокулер З. А.* Проблема следования правилу: где недостающая масса? // Следование правилу: рассуждение, разум, рациональность. Под ред. В. В. Долгорукова, Е. Г. Драгалиной-Черной. СПб., Алетейя, 2014. С. 423–436.
11. *Пирс Ч. С.* Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000. С. 266–295.
12. *Putnam H.* On Wittgenstein's Philosophy of Mathematics // Aristotelian Society Supplementary, Volume 70, 1996.

Сведения об авторе: Павлов Илья Ильич, Лаборатория исследования философии ЦФИ НИУ ВШЭ, лаборант; Факультет гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Школа философии, магистрант.